

ЖИЗНЬ ПОД ВЗГЛЯДОМ

Когда мне было восемнадцать лет, в моей жизни случился такой эпизод: я столкнулась с нашей очень властной домработницей, не дававшей мне накормить обедом мою соученицу, которая в эвакуации нередко подкармливала меня. Домработница выхватила у меня из рук тарелку со словами: «Ты норовишь все отдать, вынести из дому. Не дам!» Я была очень худой, сравнительно маленькой. Она – большая, сильная. Я в бессильной ярости хлопнула кулаком по столу. Справедливость была полностью на моей стороне. Я права, но ... вдруг я вспомнила мою подругу, которая была для меня первым учителем жизни – очень тихую, кроткую и сильную своей тишиной. Она далеко. Она меня видеть сейчас не может. И узнать о моем яростно сжатом кулаке не сможет никогда. Но я чувствую ее взгляд. И под этим взглядом кулак мой разжался навсегда. На всю жизнь.

Да, я была права, справедливость на моей стороне, но как потом скажет мой будущий муж «стиль полемики важнее предмета полемики». Я ясно чувствовала, что под этим взглядом мой яростно сжатый кулак – кощунство.

Так чувствовал Григорий Померанц Божий взгляд. Он Его не представлял, не выдумывал. Но чувствовал сердцем. Ясно. Точно.

В Евангелии от Иоанна сказано, что Слово это Бог. И люди тут же превратили божественное Слово, которое создало нас, в то слово, которое создали мы сами. Однако, Бог – не наше создание. Мы – создание Божье.

Бог, создавший нас, не представим, и ни в какие созданные нами слова не вмещается.

Что мы чувствуем, оставшись наедине с собой? Может быть, - ничего. Нам пусто и скучно. А, может быть совсем иначе.

У Энтони де Мелло есть притча, в которой ученик спрашивает Мастера что такое Просветление?

Мастер отвечает: «Это когда ты сидишь один в лесу, или у моря, или у гор, и ясно чувствуешь, что с тобой разговаривают.

- Кто?

- Да вот море, горы, лес.

- Какой ужас! - говорит ученик.

- Какое счастье – отвечает Мастер – Но ты так привык жить среди шумных, заметных вещей, что не замечаешь их Сути. Жизни не замечаешь. Души своей не замечаешь. Ты еще не

пробудился к жизни. Ты мертв и не замечаешь этого.

Так вот, по-настоящему жив тот, кто живет под взглядом невидимых глаз и ясно чувствует, что именно этому взгляду от тебя нужно. Взгляд этот просвечивает Душу насквозь. Каждое движение Души Ему видно. И Душе этот взгляд виден. Не глазам – Душе. И живущий под этим взглядом знает, каким-то внутренним знанием, минуя ум, что БОГ ЕСТЬ.

Душа чувствует Его. Может быть, шестое чувство и есть чувство Бога. Но это не подобно нашим пяти чувствам, которым доступны лишь части. А шестое чувство - это чувство Целого.

Известен такой диалог одного знаменитого летчика с не менее знаменитым священником, в прошлом – хирургом.

- Я летал по небу – сказал летчик-герой – избородил его, видел облака, простор, а Бога не видел ни разу.

- А я разрезал грудную клетку – ответил бывший хирург - видел сердце, а Душу – никогда. Вскрывал череп. Видел мозг. А мысли – ни единой».

Можно не знать никаких слов о Боге, но мыслить, но любить (это главное) и чувствовать себя воистину живым. А когда чувство углубляется, сознание расширяется, ты вдруг ощущаешь всей душой, что есть не отдельные, не связанные друг с другом части, фрагменты, а нечто Целое. Вот это таинственное Целое, включающее тебя внутрь Себя...

И вдруг само собой возникает слово Бог, короткое и емкое, как вздох. Люди, открывшие в себе чувство Целого, почувствовавшие, что БОГ ЕСТЬ, ощущают полноту жизни.

Это прекрасно, но не так-то легко. Это ведь значит быть открытым боли. Чувствовать боль.

Тот, Кто был распят, чувствовал боль величайшую. И не только физическую. Он чувствовал боль за всех людей. Один за всех. Но он был не просто ЖИВЫМ. Он был самой ЖИЗНЬЮ ВЕЧНОЙ. Чувствовал нераздельную связь со всем живым. Не только жил под невидимым взглядом, но Его собственный взгляд сливался с Тем Высшим в ОДНО.

Как это живое чувство Бога далеко отстоит от всех наших убеждений, представлений, от всех, созданных нами самими слов! Слово, творящее нас, совсем не похоже на слова, сотворенные нами.

Среди моих сказок есть одна, написанная по мотивам буддийских джатак (рассказы-легенды о перевоплощениях Будды). В данной джатаке Будда родился в царской семье и стал царевичем Сутасомой. Полюбив Сутасому людоед Калмашапада преобразился. Он узнал, что есть мудрость не только звериная – правда силы, но и человеческая – сила правды. И доблесть не только звериная – побеждать других, но и человеческая – побеждать самого себя. Он полюбил Сутасому и выполнил его последнее самое трудно требование: «по-настоящему любит только тот – сказал Сутасома - кто отдает жизнь любимому не один раз, а сто тысяч раз».

Говорят, Калмашапада долго жил и пережил Сутасому. Но всю жизнь каждое утро и каждый вечер он затихал, опирался на свой огромный посох и спрашивал: «Ты доволен мной, Сутасома? Так ли я поступал, как ты хотел?»

Такие слова, обращенные к невидимому Богу, и есть настоящая молитва.

Гриша так именно и жил. Среди всех дел он находил время и место для паузы созерцания, по существу, для тихой и целомудренной молитвы – жизни под взглядом Бога.

В «Гадком утенке» есть такие строки: «Я сделал только два-три шага в Глубину. Этого совершенно недостаточно для нашего спасения. Это чуть больше нуля. Но это действительные, а не воображаемые шаги, и они не потеряют смысла, если переменятся все слова».

Такие действительные, а не воображаемые шаги он делал всю жизнь. Всегда доходил до Сути, а не застревал на поверхности. Все поверхностное, наши оболочки его не интересовали. Он был живым, совершенно живым человеком и ясно чувствовал, что такое истинная жизнь. Это жизнь Души, Жизнь целого человека, а не выделяющейся, оторванной от Целого части.

Хорошо известен описанный в «Утенке» эпизод, как он выбрал себе второе место в жизни, навсегда отказавшись от первого. Три человека, три товарища гуляли по лагерной трассе и каждый хотел так или иначе убедить других в том, что он самый умный. Одним из трех был Гриша. Он молчал, но с ужасом увидел, что он тоже думает о себе, как о самом первом. Он воистину увидел себя и ужаснулся.

Кришнамурти говорил, что если бы мы увидели свою зависть так, как видим кобру, мы бросились бы бежать от зависти, как от кобры. «Имеющий глаза, да видит» - говорится в Евангелии. Гриша ВИДЕЛ. И потому ни одному из бесенят, копошащихся в наших душах и смеющихся над нашей слепотой, не удавалось над ним посмеяться. Обмануть его, укрыться от его взгляда ни бесенятам, ни бесам покрупнее не удавалось.

«Я предоставляю вам спорить о первом месте – сказал он своим товарищам – и навсегда беру себе второе». Он говорил потом, что сделать это было так больно, как вырвать здоровый зуб без наркоза. Но он сделал это и стал жить действительной, а не воображаемой жизнью. Ему стало безразлично, что о нем подумают. Важно было то, что действительно есть и что ясно видно Божьему взгляду.

И оказалось, что жить под Божьим взглядом, когда Душа открыта, вся на просвет, поразительно хорошо. И можно быть счастливым в лагере, смотря в белые ночи летом поверх колючей проволоки, и зимой, слушая музыку, льющуюся из репродукторов, когда гуляешь по лагерной трассе в тридцати пяти градусный мороз.

Можно быть бесконечно счастливым, хотя счастье это нелегкое и очень далекое от эйфории.

«Отойди от меня сатана, не о небесном думаешь, а о земном» - сказал Христос Петру,

хотевшему избавить любимого Учителя от страшной казни.

Что же такое «Небесное»? Это жизнь Души, всей Души, не жертвующей ни одной своей частицей, - Души, остающейся целой и открытой Божьему взгляду.

Такой была Гришина Душа. И она была больше всего, что им написано. Хотя все написанное прекрасно и очень любимо мной (может потому оно и прекрасно, что является отсылкой к Большему, к Тому, от чего родилось).

Среди отзывов, появившихся в печати после его смерти, был один из числа особенно дорогих мне – отзыв Юрия Зубцова. Там есть такие слова: «Григорий Соломонович как личность был и остается пока мы будем помнить о нем – намного больше всего им написанного». Зубцов говорит, что Померанц не сводится ни к одной профессии, ни к какому частному определению. Бывают великие полководцы, артисты, писатели, а он был «великим человеком – в самом изначальном и точном смысле этих слов». Я глубоко благодарна за такой отзыв, но хотела бы немного изменить его. Он был великой Душой, сказала бы я. Великодушие – это то, чего он сам в себе никогда не замечал и что было его сутью. Душа заполняла все существо. Он жил Душой.

Душа жила под взглядом Высшего. ВЗГЛЯД спрашивал с него строго. Велел отдать все, что можешь. И он отвечал. Он отдавал. Никто не спрашивал с него так строго, как он сам с себя, ибо он отвечал действительному, а не воображаемому взгляду. Он чувствовал свою жизнь, как задачу вглядывания в неразрешимые вопросы и отвечать всем собой на то, на что точно и однозначно ответить нельзя.

Бог бесконечно больше наших представлений о Нем. Пути Господни неисповедимы. И наше дело – не упрощать их, не приспособлять к своему ограниченному видению, а всматриваться в «Безграничную Действительность» (термин Рильке), и постепенно, шаг за шагом постигать то, что ЕСТЬ. И даже, когда постигнуть до конца невозможно, продолжать всматриваться. Вот как говорит об этом Рильке в четвертой Дуинской элегии:

«Не то! Не так! Не надо больше масок. Уж лучше куклы.

Вот те, которых дергают за нитку.

Они не притворяются живыми. Они цельны.

Да, я хочу увидеть куклу и выдержать незрячий взгляд ее.

Я к этому готов. И даже если погаснут лампы

и скажут мне, что кончился спектакль;

Дохнет со сцены серой пустотой

И мертвым сквозняком в лицо повеет.

.....

Нет никого, но я останусь. Все равно останусь.

Мне есть на что смотреть.

Мой долг – взглядеться».

(Перевод мой З. М.)

Вглядеться в Безграничную Действительность, отбросив все мифы, не принимая кукол за живых людей. Никаких иллюзий.

Есть то, что ЕСТЬ.

Померанцу надо взглядеться в ИСТИНУ, которая Бог. Истина-Бог никогда не была его интеллектуальной (или душевной) собственностью. Никогда не принадлежала ему. Он принадлежа Ей – Истине. Богу.

И потому не было у него ничего «своего», то есть «от себя». Все, что он писал, говорил, чувствовал, было от ВЫСШЕГО, от ВЕЧНОГО.

Полная открытость души и предстояние перед ВЫСШИМ – вот что было смыслом его жизни. При этом он никогда не думал, что достиг ВЫСШЕГО. Напротив – ежеминутно видел бесконечное расстояние между собой и ИМ. Но расстояние это было открытым Путем, той внутренней Бесконечностью, взглядывание в которую он ощущал как ликование творчества. Истинное творчество и было таким взглядыванием внутрь. В То, что не ограничено рамками нашего конечного ума, в То, что разбивает эти рамки и выводит Душу на простор.

Истинное творчество – разрушение наших произвольных построений и предстояние перед Неразрешимым. Не найти окончательное решение, а видеть Бесконечное, Неразрешимое, и идти, и идти туда, куда Оно зовет, выходя в новое измерение, из плоскости – в объем.

«По-настоящему взглядеться в неразрешимое – это не меньше, чем постоянная молитва, или созерцание распятия, от которого у св. Франциска сделались стигматы. В ответ Неразрешимому открывается и углубляется сердце (подчеркнуто мной З.М.). Я не достиг этой последней глубины. Но меня тянет и тянет к Ней, и мысли мои выются и выются вокруг Неразрешимого. Иногда я решал интересные вопросы; но самое главное, что меня тянет к бумаге, - кружение вокруг Неразрешимого, бесконечные попытки дать безымянному имя (сегодня, сейчас, вчерашние имена недействительны). Попытка, хоть раз не солгать там, где всякая мысль есть ложь, все догматы – только подобия, иконы Непостижимого».

Несколькими строками раньше он пишет: «Созерцание неразрешимого вопроса – один из вечных подступов к Богу. Можно даже сказать, что неразрешимый вопрос – один из ликов Бога».

Это очень важные слова. Божий лик для Гриши был чем-то самым живым, не сотворенным умом, а увиденным сердцем. Он УЗНАВАЛ этот Лик, как узнают любимые

лицо. Любые костюмы, украшения, прически – все отпадало, когда глаза встречались с глазами, взгляд со взглядом. Он часами сидел в Третьяковке перед Рублевским Спасом. И глаза его углублялись так, что вводили в океан Духа. Также он созерцал и Троицу. Он узнавал Высший образ, отнюдь не сопоставляя с давно знакомыми образцами, узнавал сердцем, заново. «Откуда я знаю, что опыт Томаса Мертона на порядок (или на несколько порядков) выше моего? Но узнал с первой страницы. Почувствовал. Он затронул во мне глубину, на которой я сам, без него не умею жить. А с ним, за ним, читая его заметки о созерцании, - живу. (...) Почему он не вызвал во мне сопротивления? Самое глубокое, что я сам, без ведущей меня руки пережил, было отодвинуто назад, за порог истинного созерцания. Откуда же я узнал, что он прав?»

Григорий Соломонович говорит далее, что читая Мертона почувствовал себя, как в разговоре со своим первым любимым учителем Владимиром Романовичем Грибом, «при первом молчаливом замечании которого я отбрасывал, не продолжая начатую цепь мыслей» и далее: «Видимо, оба они затрагивали во мне что-то более глубокое и властное, чем аналитический и конструктивный ум, и я подчинился не им, не внешнему авторитету, а самому себе (подчеркнуто мной З. М.). Какова бы ни была сравнительная глубина Владимира Романовича и Томаса Мертона, оба они стояли выше меня и в то же время находили какой-то способ говорить изнутри меня, (подчеркнуто мной З.М.), как будто меня самого поднимали вверх, и вот я вижу, я сам вижу то, чего раньше не видел».

Вот эта способность узнавания обусловлена совершенным бескорыстием так, что его малое «я», его эго растворилось, стало прозрачным и на месте призраков, сконструированных самолюбием, обидой и всем подобным, проступила истинная жизнь сердца – РЕАЛЬНОСТЬ.

Реально, действительно ценно не именно твое, (то, что ты имеешь), а открытая возможность приходить к источнику всего существующего; не накапливание творений, а непрерывность творчества.

Кто такой «нищий Духом»? Тот, кто не останавливает Дыхания. Дух нельзя накопить. Дух можно вдыхать и выдыхать, оставляя место для следующего вдоха.

«Каждый день приходилось искать Единое заново, как будто не было ничего позади, кроме опыта узнавания, т.е. кроме самой способности сердца ВИДЕТЬ и УЗНАВАТЬ. Опять смотреть в Божий глаз, или в глаза икон, или вслушиваться в музыку и искать отклика».

Вл. Антоний Сурожский говорил о том, что настоящая Церковь в отличии от церковной организации должна состоять из людей так или иначе испытавших личную встречу с Богом. «Пусть не такую грандиозную, как у апостола Павла – говорил он – но все-таки личную встречу». Да, он говорил о людях, вера которых основывалась на опыте сердца, а не на доверии к авторитетам.

Вера Гриши – это те самые несколько шагов в глубину, которые как бы велики или малы они ни были, являются шагами подлинными, а не воображаемыми. Думаю, что они не так уж малы, эти подлинные шаги, приведшие к личному узнаванию Бога.

Они, шаги эти привели к полному освобождению Души от всякого зла.

«Зло есть. Но оно есть не на последней глубине. И, уходя в глубину, мы уходим от зла. Чем труднее пробиться сквозь слой, где бесчинствуют призраки, тем прекраснее прорыв узнавания Бога».

И еще: «От силы нашей веры зависит – перелетим мы через ад, или проползем сквозь него, обдирая руки, ноги, сердце, или вовсе застрянем в отчаянии. Бесконечная вера парит над муками Иова. Я в это верю. Хотя мне лично не все дано».

Вот эти слова «хотя мне лично не все дано» проходят рефреном через все, что он пишет. Он «сделал всего несколько шагов в глубину. Может, чуть больше нуля»; он меньше Гриба и гораздо меньше Мертона ... С какой готовностью и даже радостью он видит себя меньшим! Это, и только это дает ему возможность увидеть Большее и приближаться к Источнику общей силы.

Он видит себя не только наименьшим, но и отнюдь не безгрешным, хотя борьба с грехом, со всяческим злом, прежде всего в себе самом – его главное дело. И борьба его успешна. Он предельно спрашивает с себя, он бесконечно ответственен. Он никогда не пасует перед человеческой слабостью, не уступает греху. Почему же чувствует себя грешным? Для прямолинейной мысли это совершенно непонятно.

Хорошо известен рассказ Антония Блума о том, как один прихожанин назвал его плохим христианином.

- Да, но почему? - спросил Антоний.

- Вы не всегда отвечаете добром на зло. Не исполняете заповеди непротивления.

- Хорошо. Представьте себе, что Вы идете со своей невестой, и на нее нападают бандиты. Что Вы будете делать?

- Молиться.

- А если молитва не поможет и на ваших глазах бандит насилует девушку?

- Тогда я буду молиться, чтобы от этого злого дела не было бы злого плода.

- Знаете – сказал Антоний – на месте вашей невесты я бы поискал другого жениха.

Я специально привела этот хорошо известный пример. Он точно иллюстрирует то, что я хочу сказать.

Гриша хорошо знал, что бывают ситуации, из которых без греха выйти невозможно. Не совершить грех здесь было бы грехом еще большим. И он брал на душу грех и знал, что в следующий раз в подобной ситуации поступил бы также. Может быть, пришлось бы убить бандита, чтобы защитить девушку. А скольких людей надо было убивать во время войны?

А в личной неразрешимой ситуации, когда надо было доставить боль другу и спасти больную женщину, которую полубил? Или оставить ее погибать, чтобы не усложнять жизнь ее мужу, который был причиной ее гибели?

Таких ситуаций в жизни Гриши было немало. И он рассказывает о них в главе «Неразрешимое». Он всегда поступал так, что потом не жалел об этом. Иногда выход бывал просто героическим. Так почему же он грешен? В чем грех? Надо бы, кажется, гордиться, что сделал все, как должно.

Вот именно гордиться по его убеждению и нельзя было. Даже убив бандита. Даже совершив геройский поступок ... не упоение победой, не радость от своей силы и правоты, а горькое чувство, что пришлось это сделать ... Иначе нельзя было. Он знал, что снова поступил бы также. Но как горько, что приходится так поступать. (В давние времена воин, защищавший свою землю, после войны три года не допускался к причастию). В этом грешном мире приходится совершать грех. И вот только сознание греха может очищать Душу.

Отсюда и рождение его фразы, ставшей пословицей: «Дьявол начинается с пены на губах ангела ...»

«Чем-то всегда приходится жертвовать – пишет он – и я делал это беспорядочно, бессистемно, балансируя на лезвие ножа, отказываясь вступать в группы, в редколлегии и т.п., но не отказываясь от свободы своей мысли ...

А в итоге я, пожалуй, и не мог придумать ничего лучшего. Не потому, что непоследовательность хороша, но система, но логическая последовательность еще хуже. Все революционеры были логики».

Он следовал не заповедям, не правилам, которые узнал извне, прочитал, заучил, а только велению своего глубокого сердца.

Заповеди нужны. Но они для тех, кто не научился заглядывать в глубину своего сердца. Моисей дал десять заповедей. Следовать им необходимо. Однако Христос не раз нарушал заповеди и этим самым по-настоящему слушался Духа, создавшего их. «Я пришел не нарушить Закон, а исполнить», - говорил Он, исцеляя людей в субботу. «Не человек для субботы, а суббота для человека».

Из всех десяти заповедей Христос выбрал две, считая их наиважнейшими. Обе они о любви. О любви к Богу и о любви к ближнему. Умейте любить и все остальное приложится вам.

Самым тяжким грехом Григорий Соломонович считал убийство любви. «И есть так много способов убить любовь – недостатком благоговения к естественному чувству близости; неумением сказать и неумением промолчать. Самой маленькой фальшью».

«Я думаю, что неумение вырастить и сохранить любовь причиняет человечеству больше страдания, чем все политические режимы всех времен. Потому что режимы приходят и уходят, а бездарность в любви остается. Многие нелепые прыжки в утопию от неумения найти полноту жизни в том, что под руками».

Чего-чего, а бездарности в любви он не знал. Я не знаю человека, умеющего любить так, как он. Любовь его была совершенно освобожденной от эго. Любовь для него была служением. Он не из книжки, не с чужих слов знал, что Бог есть Любовь. И служение Любви

было для него истинным богослужением. Бесконечно радостным и бесконечно ответственным. И таким наполненным, таким вдохновенным!... Любовь никогда не засыпала в нем, не мертвела. Она не только не умялась, но возрастала до самой глубокой старости. Она была великим таинством. И я не могу сейчас не привести отрывок из одного из бесчисленных стихотворений, обращенных к нему:

Мой сокровенный, тайный мой

Какою силою немой,

Каким безбрежьем тишины

С тобой мы соединены.

С минуты первой до сих пор

Из глаз в глаза течет простор.

Весь бесконечный небосвод

Из глаз моих в твои течет.

И нету ничего священной

Легчайшего прикосновенья.

Оно, как тихое моленье

И тайное богослуженье.

Глаза в глаза, ладонь в ладонь

И разгорается огонь,

Который все солнца зажег,

Который высекает Бог.

Он думал о Непостижимом, о Вечном постоянно. Когда писал об этом, писал, что называется «с жаром и со слезами». Но в юности редко. Написав одну работу, с грустью подумал: «Есть же люди, у которых вдохновение непрерывно ... А у меня – раз в несколько лет».

И вдруг это непрерывное вдохновение пришло к нему. Но секрет, или, скорее, тайна в том, что сначала он научился вдохновенно жить, а потом уже писать. Однажды он сказал мне, когда мы сблизилась: «Ты нашла себя в том, как ты пишешь, а я – только в том, как живу, как люблю». Сказал он это так просто, так светло, что я подумала: «Ничего лучшего ты мне не говорил еще». Об этом разговоре он писал в «Утенке»: «Мне показалось, что с меня

этого хватит. Я не страдал от того, что я не пишу. Я просто хотел глубже и глубже жить». (Подчеркнуто мной З. М.).

И вот, после этого разговора, как фея подслушала, - он стал писать непрерывно. «Я нечаянно нашел его, (вдохновение З. М.) бескорыстно прислушиваясь к дыханию космоса, и его вечно живому огню».

«Хуже или лучше это вышло, но я научился жить перед лицом смерти. Сперва жить, а потом уже писать» (Подчеркнуто мной З. М.).

«Важнее любого отдельного текста стало кружение вокруг истины» «и чем дальше, тем больше я поворачивался к Неразрешимому, - к ритму вечных переходов между безмолвным всматриванием – и разгорающимся в груди угольком».

Да, он научился жить перед лицом смерти, глядя в глаза самому страшному и хорошо зная, что внутри есть что-то, что переглядит это страшное. Жизнь его Духа началась с таких «глядделок». Еще шестнадцатилетним, а потом двадцатилетним юношей он месяцами вглядывался в глаза бессмысленной бездны, упорно ища в ней смысл. Первая вспышка внутреннего смысла уничтожила страх, дала возможность полета над страхом в годы войны. Но вызовы черной бездны продолжались. И он не только не опускал глаз перед ней, – глаза его делались все глубже, все ближе подходил он к безымянной Истине, которой все его переполненное сердце дало имя – Бог.

Есть одна задача у человечества. Может быть самая нужнейшая, самая насущная и самая неосознанная – задача узнать Бога. Узнать Христа, который может появиться в любой момент, когда все уверены, что из «Галилеи ничего доброго прийти не может». Все авторитеты духовные скажут, что Его надо распять. И толпа, только что славившая Его, закричит: «Распни!». Величайшая трагедия длится до сих пор. Она не прекращалась. И если мир все еще стоит, то только потому, что и Воскресение пока еще не прекращается. Все это великая тайна, в которую надо всматриваться и всматриваться. Всматриваться в свое сердце. Не смотреть по сторонам, а глядеть внутрь, вот туда, где находится царство Божье.

Я думаю, Григорий Соломонович – один из тех мыслителей, а скорее подвижников, который всматривался внутрь, в эту космическую и нашу собственную Глубину с таким напряжением, с такой ответственностью и с такой любовью, как мало кто в наши дни.

Он принадлежал Церкви невидимой и был верен Ей всей душой.

След, который он оставил в жизни – это строжайшая душевная и духовная честность и великая Любовь. И вряд ли след может быть более светлым.

